

Сусликов сидел на незастеклённой террасе нового особняка и потирал озябшие руки: в Подмоскowie холодало быстрее, чем в городе. Тридцать километров от столицы, октябрь, а словно настоящая зима. Зато и воздух здесь другой! Сусликов с наслаждением втянул его и ноздрями, и ртом. Даже приступы астмы, мучившие на работе и в предыдущем доме—таунхаусе, построенном в конце девяностых недалеко за МКАДом, снимает без аэрозолей.

В новом навороченном гриле (купил по акции) тлели угли. Свиные рёбрышки и баранина под маринадом из «Азбуки вкуса» ждали своего часа. Вид свежего мяса и аромат вишнёвых щепок сами по себе поднимали настроение. Если бы не рабочие, накануне допоздна возившиеся с полетевшей системой подогрева полов, можно расслабиться до понедельника, когда приедет водитель и по пробкам повезёт его в офис. Но и в автомобиле, глядишь, подремлешь, послушаешь музыку, хотя, как правило, с восьми утра уже звонят подчинённые—накляузничать друг на друга. А в девять, случалось, тревожил и шеф. Давно перебрался в ближнее зарубежье, но детали бизнеса из вида не упускал. Обожал видеоконференции, вытягивал все мелочи, зудел тонким голоском, словно комарик. Не надоест ему с его миллиардами, хотя и пощипанными из-за заведённого недавно уголовного дела (потому и из России предпочёл на время убраться), но всё же громадными! Мог бы себе позволить вкусить плоды тридцатилетних трудов.

Иная участь у него, маленького человека, как Сусликов любил себя временами называть. Его и в выходные-то редко оставляли в покое. Вроде наёмный менеджер, но имеет процент от прибыли. Так что вертись: одних строй, перед другими вытягивайся в струнку.

В пятницу позвонил одноклассник Кольчик. Сусликов, обросший за годы, ушедшие на накопление первоначального капитала, множеством знакомств, не растерял и старые. Хотя друзей из советского прошлого становилось всё меньше. Одни умерли, погибли, других раскидало по миру. Один Кольчик оставался близко. Они даже общались семьями—оба оказались однолюбями. Но последнее время личная жизнь приятеля совсем разладилась: жене опостылело безденежье, не без

приключений взрослеющей дочкой родитель не занимался.

Сусликов вздохнул, предчувствуя: товарищ решил его навестить неспроста. Ему бы работу нормальную найти, а он вбил себе в голову, что зарывает в землю талант великого фотохудожника. Вместо того чтобы каждую копейку в семью (как он), всё, что накопил, занимаясь некогда продажами сотовой связи, просадил на технику и распечатку снимков. Ладно бы подрабатывал, как другие, на свадьбах или делал портфолио тёлкам, мечтающим выбиться в фотомодели. А то только транжирил время и бабки на какие-то веточки-листочки—по правде сказать, он и сам может не хуже шедевров нащёлкать.

Сусликов встретил товарища на железнодорожной станции. Сюда он сам приехал на джипе из посёлка, построенного на берегу водохранилища (благо недалеко). Кольчик цедил дешёвую сигарету. Одет не по сезону—хиленькое пальтишко, но с признаками моды («В секунд-хенде, что ли, купил, где они дороже, чем на рынках? И взгляд какой-то затравленный!»).

— Ну что, дружбан!—располневший Сусликов (периодически худел под наблюдением диетолога, но снова быстро набирал вес) прижал товарища к груди.—Сколько лет!

— Месяцев, месяцев. А машина опять новая?—спросил тот словно с укоризной.

«Ну, если сейчас опять начнётся проклятый капитализм, надо ему кинцо похудожественнее из Интернета врубить, а самому—задрочить. С утра поест вкусняшек из „Азбуки...“ и отойдёт».

— Там ремонт выходил дороже,—объяснил миролюбивым тоном.—Мне тачки для представительских функций нужны. Типа как галстуки, пиджаки, часы.

— Савва, ты так стал пафосно выражаться: «представительские функции»! Скажи лучше...—но он оставил заготовленную фразу про запросы буржуа-нувориша при себе.

«Вот и славно. Хотя промолчал неспроста. Приехал канючить на новую камеру? Или что-то похлеще?»

— Погляди лучше, какие тут закаты! Ведь ты типа (от сорных словечек не мог избавиться, хотя

приходилось общаться с людьми образованными) фотохудожник!

Они ехали хоть и по разбитой, но окружённой пламенеющими осенними рощами сельской дороге. Половину небосвода пересекали широкие алые полосы, отблески ложились на серую гладь водохранилища, а между небом и водой блаженной улыбкой теплилась деревенька.

— Что ни говори, а в России — красота! Хотя Раечка не соглашается, ей всё Швейцарию подавай. А по мне — нет там такой мощи. И цены повыше наших. — И налоги с богачей дерут покруче, — опять не удержался Кольчик.

— У нас налоги тоже будь здоров, только ты об этом не знаешь. Побывал бы в шкуре работодателя, который за тебя львиную долю поборов платит, — не спорил. Ты где сейчас обретаешься-то?

— Всё там же, в фотоателье. Скучнотища, конечно. И платят гроши.

— Удивляюсь, кто к вам вообще ходит. У всех давно своя аппаратура. Устраивайся ко мне в продажи. Сто раз звал. Проценты от сделок лучше твоей зарплатки.

— Но у вас-то её совсем нет? Я уж работал в продажах, ты помнишь.

— Помню — получше перебивался, чем сейчас! Кольчик, у меня все деловые мужики и особенно девчонки зарабатывают на хлеб с маслом. Не так, как до кризиса и санкций, но всё равно неплохо.

За разговорами добрались до посёлка, где многие участки оставались с конца двухтысячных нераспроданными; поэтому встретил он гостей жутковатой полутьмой. Сусликова это давно не страшило. Меньше соседей — меньше шума. Иное дело, что проект их собственной фирмы обещал принести намного больше прибыли. Но пока суть да дело, несколько бывших компаньонов разругались, стройка забуксовала, полетели искры от покупателей. В итоге распродали что смогли за треть цены; себе взял по дешёвке участок, худо-бедно построился. Виллы на Лазурке и Коста-Брава — для тех, кто при властной кормушке. А он свою копеечку потом и кровью зарабатывает. Хотя, глядишь... Но лучше даже не думать пока — сглазишь!

Перед тем как завалились спать, Сусликов порезался у себя в кабинете в «танчики», а презиравший игрушки Кольчик поболтал с Раей и задремал на террасе, обернувшись настоящим ирландским пледом.

Наутро Рая Сусликова угостила гостя рисовой кашей собственного приготовления, яичницей из громадных фермерских яиц, санкционным пармезаном и свежей кетовой икрой. А чёрной — конечно, не белужей, а севрюжьей (тоже неплохо), — он лично намазал товарищу кусочек чабатты. Кольчик ел жадно, хотя старался виду не показывать. Мол, кого сейчас жратвой удивишь? А в начале

девяностых, случалось, сам намазывал ещё нищему Сусликову сливочного масла на краюшку бородинского. Правда, приятелю запомнилось, что второго бутерброда он и не дождался — дружбан оправдался: мол, масло мамаша покупала, а денег у самого в обрез, такой же студент.

Так что, может, жратвой и не удивишь, но на зарплату сотрудника вымирающего фотоателье пармезаном не отоваришься. Не говоря о том, что для этого ещё до Франции надо добратся.

— За обедом галисийского осьминога попробуем, — расщедрился Сусликов. — Доедай, короче, и пошли мангал разжигать.

Он уже полчаса балдел на террасе, а Райка ещё развлекала Кольчика разговорами. Хвалилась успехами дочерей — старшей, Анфисы, и младшенькой, Агнии. Та — поздняя, вырванная у Господа не без усилий. Хотели уже удочерять сироту или обращаться к донорам. Но потом помолчились в Саровской пустыни — и сподобились.

Раю (уведённую когда-то у другого товарища, бывшего комсомольского вожака, успешного пошиковать на излёте восьмидесятых и быстро стигнувшего) он в православие перетянул недавно. Сам Сусликов вырос в многодетной семье полуподпольных советских христиан. По воскресеньям с братьями ходил на ранние службы в одном из окраинных московских храмов, неплохо знал литургию. Некоторые молитвы с ранних лет затвердил наизусть, пока иные карапузы смешно выговаривали: «Мы красные каваредисты, и про нас...» Поэтому пионерия-комсомолия ему оставались чужды, даже когда последние чудачки ещё гордились красной тряпкой на шее.

Кольчика он тоже однажды вытащил к батюшке Серафиму, сам вёл машину (художники, они только кнопку фотоаппарата нажимать умеют да языком чесать). В пути шутили, вспоминали детство, как однажды собирали макулатуру, таскали по району на санках, а к ним подвалили хулиганы и едва их саночки не перевернули. После Сусликов даже пошёл в бокс, где хоть и переломали нос, но многого бояться отучили. А Кольчик так и вырос затравленным, хотя с вечными претензиями к жизни. В пустыни они вместе стояли на ранней службе, только Сусликов сподобился причаститься, а друг заспорил со священником и удалился восвояси (хотя бы здесь сдержал сварливый нрав!).

Вспоминая поездку, Савва улыбался. Жизнь сложилась. Сколько они с женой стран объехали, дом просторный, а не та типовая конура, в которой он куковал почти до двадцати пяти, пока не стал выбиваться в люди. Хотя деньги сюда ещё вкладывать и вкладывать.

Кольчик наконец показался на террасе. В руках чашка кофе, немного развезло, но взгляд всё равно смурной. Внутреннее состояние собеседника

Савва научился различать по громадному опыту переговоров. Там же привык держать собственные мысли втайне от партнёра. Кольчику до этого далеко. На физиономии написаны и зависть, и обида. Но всё же он не чужой. Сколько они друг дружку знают—с четвёртого класса?

— Сядь, расскажи про свои похождения!

— Я пока постою.

— Да что ты как неродной? И пошто занасекомил жену?

— Она сама к матери уехала. И дочь забрала, а у той и так переходный возраст, учёбу забросила. Стоит человеку попытаться найти себя, заняться любимым делом—тебе сразу нож в спину.

— Ты это зря! Тебя Лариса всегда поддерживала. Сам, поди, скандалишь?

— Савв, давай без допросов. И так тошно.

— Уговорил. Тогда будем бутылку открывать. Хотя, по идее, рановато.—Раечка!—заголосил Сусликов и для уверенности забарабанил костяшками пальцев по стеклу.

Раиса выглянула в дверь:

— Можно не орать на всю деревню?

— Родная, пригони нам «Вальполителлу»!

— Уже соскучились без выпивки? Я тогда с вами.

— Или французского?—задумался хозяин.—Рай, какого мы хотим?

— Ты лучше сам решай: принесу—опять скажешь, не ту.

— Видишь, какая послушная жена у меня? Дай поцелую, любимая,—потянул он её к себе на террасу.—Ты тоже свою хвали чаще. Они ж ушами любят.

— У вас тут холодно. Приходите в дом. Я салат с лососем сделала. Коль, твой любимый. Сейчас дам вам бутылку и пока рёк посмотрю. Больше-то нечего на нашем патристическом тв.

— Не заводись!—вдогонку бросил Савва.—Вот придумала себе тему—политика. Перед сном наслушается «Эха...» и выносит мозг: пора валить, кровавая гэбня—одно и то же.

— Да, конечно... Гэбня бы мигом навела порядок.

— Знаем мы ваш порядок! Всех деловых людей по тюрьмам. За что твоя чк моего прадеда в Сибирь сослала? За то, что он землю умел обрабатывать?

— Ну вот, сам заводисься!—явно Кольчик готовился к мирному дню.

А то бы уже выложил типовой набор прелестей социализма, начиная от эпохи Усатого и заканчивая Леонидом Ильичом.

— Я вот думал: в чём-то ты прав. В семидесятые мы как-то спокойнее жили, хотя и в нищете. И не боялись каждого куста. Без оружия хоть из дома не выходи.

Мясо он уже разложил на решётке и накрыл большой крышкой, подобной щиту Ахиллеса. На ёлочках, окружающих участок по периметру, играло почти не греющее, но всё же ласковое солнце.

— Ты, кстати, сауну новую в подвале посмотрел? С соляными стенами и инфракрасным излучением? Помогает от псориаза. Специально для друга заказал,—любил он преувеличить свой альтруизм.

— Мне больше ваша старая баня нравилась. Сколько водки там выпито!

— Вот именно! Губили только здоровье, вместо того чтобы поправлять. Кстати, продолжаем. Но красное вино—другое дело. Его даже врачи советуют по двести грамм в день.

Рая с улыбочкой: мол, рады, алкаши?—вручила им бутылку и два больших бокала тонкого стекла, которые он осторожно поставил на уличный столик. Почти сто евро каждый, неловкий Коля и так уже один расколя прошлый раз. Догадалась бы взять икеевские. А вино сойдёт, качественное, но не слишком дорогое.

— Мне тоже налейте! Или я себе «Шато шеваль» открою. Буду в одиночестве нарезать.

При упоминании элитной марки Сусликов напрягся (всё хорошее старался подольше поприжать). Главное, чтобы Кольчик не сел «на хвоста». В алкоголе он особо не разбирается, но из уязвлённой гордости вечно требует того, что у них припасено для семейного употребления.

— Кис, мы потрещим ещё и придём. Потом за мясом надо присмотреть.

«Каким барином себя держит. „Кис“, „мясо“... При этом рассказывал, как в Венской опере у него на заднице штаны разъехались. „Ла Скала“, „Прадо“, мишленовские звёзды, а вечно дорогая сорочка из брюк наполовину выправится. Унитазы грязные—пока прислуга утром не надраит. У всех людей его круга такое сочетание апломба и хамства, дикого, дремучего? Или только у Саввушки?»

Ему стало тошно от недоброжелательства, с которым он размышлял о друге.

«Зачем я столько лет лицемерю, приезжаю к ним? Они-то давно в нашу хрущобу ни ногой. Даже позволяю над собой подтрунивать, поучать. Хотя и он мои выпады терпит. Или детская дружба сильнее классового неравенства? Все книги, жизненные сюжеты говорят, что преодолеть его невозможно. Рано или поздно разойдёмся. Но если четверть века общаемся, а глядишь, сколько ещё отпущено? А вот у детей уже разные тусовки, школы, теперь институты, даже в соцсетях моя Юрка с его дочками не во френдах».

— Вот ты говоришь—социализм,—сделал Савва первый глоток, с видом знатока пополоскав вино во рту.

— Не говорю, не переживай. Он в одной Корее остался. И то—Северной.

— В смысле, я с тобой согласен насчёт социализма. Я сам—социалист!—Сусликов ударил себя кулаком в грудь.

— Вечно ты загнёшь!—Кольчик едва не поперхнулся вином.

Хотя вышло несколько картинно—идеями-фикс они за годы общения обменялись многократно. Но на подобные заявления друга он реагировал особенно остро.

— Погоди. Ты знаешь, насколько я ценю коллектив. Считаю, живу в нём. Работаю без зарплаты,— Сусликов повторял быстро, не давая возражать.— Давно бы бросил эту мутотень, но людей жаль. На мне одних постоянных сотрудников— триста человек. У всех семьи, всем даю возможность жить... Что ж мы не чокнулись даже? Пожелай другу чего-нибудь!

Со стороны лужайки, так пока и не приведённой в порядок (ландшафтного дизайнера он недавно со скандалом отправил восвояси, ни копейки не заплатив), показался сосед, крупный коротко стриженный мужчина в простонародной телогрейке, лет на десять их постарше, но крепкий, совсем не кажущийся старым.

— Салам алейкум, Салават! Виделись, наверное,— представил Савва, не поднимаясь с кресла.— Ты вино ведь не пьёшь? Потрещишь с нами? Человек вот своё хозяйство держит, чистокровных арабских скакунов завёл.

Сосед сдержанно улыбнулся одними уголками рта.

— Завёл, Савва, теперь заниматься надо, места больше нужно.

— Землю он решил прикупить по соседству, только с документами там ерунда. Так с юристом хорошим стоит проконсультироваться, с тем же Марком— справа мой сосед,— объяснял Савва Кольчику.

— У вас, кажется, с документами всегда ерунда,— Кольчик потянулся к бутылке и под строгим взглядом Салавата подлил себе ещё.

— Ты вот что,— перешёл к делу сосед,— землю у воды огородили, надо бы и оформить побыстрее. Когда соберёмся обсудить?

— Извини, дорогой, у меня гость сегодня, суббота. Я хоть и не еврей,— хмыкнул Сусликов,— но немного отдохнуть хотел. Опять же, Марка напряжём и сделаем. Ты там своим жёнам поклон передавай, хорошо? Я к тебе загляну завтра.

— Ладно, Савва, хорошо,— сосед ещё раз строго взглянул на Кольчика.— А лошадей если хотите посмотреть, милости прошу,— более миролюбиво обронил он, прощаясь.— Конюшня недалеко.

— Мусульманин, две жены, не знаю, официально или как, но содержит их по-царски. Набожный, в Мекку собирается. А хозяйство странное: дом недорогой, зато скакуны чуть ли не по миллиону.

— Рублей?

— Какое? Долларов, Кольчик. Деловые люди тоже со своими странностями, тратят иногда глупо. Но ведь как делами ворочают! А Салавату только крепостных не достаёт, душ бы сто для начала.

— У него, наверное, есть давно,— пробормотал Кольчик и долил себе остаток вина («Придётся тащить вторую, а мясо ещё даже не готово»).

«Даже не пойму, шутит он или всерьёз? Они себя ещё солью нации называют. Многожёнство, Мекка, крепостных им не хватает. Средневековье какое-то. Куда мы катимся?»

— У меня салат стынет!— провозгласила из дверей Рая.

Глаза у неё блестели, а в руках красовался бокал с «Шато шевалем».

— Ладно, снимаю мясо. Агнюша с нами есть будет? Или так и провтыкает в телефон до вечера?

— Ты сам где втыкал вчера? У меня от твоих мировых войн голова разболелась. Ты знаешь, она теперь вид убиенного животного не переносит, так что оставь её в покое. Я её позже покормлю.

— А она испанский сделала?

— Сделает, отстань!

Накрыли небольшой стол в кухонной зоне— первый этаж особняка равнялся четырём или пяти квартирам Кольчика. Плюс потолки метров по пять. Хотя интерьер казался неудобным. Тона холодные, всюду ложный мрамор, с потолка свисают грозды стельников, напоминающих ядовитые грибы.

«Вроде все Версали объехали, а вкус— как у хохлов из Жмеринки. Впрочем, у Райки и есть корни то ли хохляцкие, то ли еврейские. Вся жизнь темнит на тему своего происхождения. Но Савва-то— коренной москвич вроде. Имя какое меценатское, тёзка его лучший столичный театр когда-то создал. А этот только мнит из себя шишку, а сам в Большом при мне захрапел в первом ряду перед певицей с мировым именем. Наверное, вернулась в свою Европу и рассказывала о новом русском валенке. Опять я злобствую. Что со мной сегодня? Ведь он тогда билет на оперу мне на день рождения подарил, хотел угодить. Разве я сам— великий знаток музыки?»

К рыбному салату и рёбрышкам (последние всегда обожала его Лара, а теперь вот психанула— и хрен знает, вернётся ли?) прибавили осетрину горячего копчения, трюфельное масло, нежнейшие помидоры— вместе розоватого «мыла» из «Пятёрочки».

— Русский человек любит покушать,— провозгласил Сусликов, открывая вторую «Вальполичеллу» (предусмотрительно спрятав начатое женино вино).— Вот за что давайте выпьем! За дружбу и за хорошую еду. Хотя последнюю лучше привозить из Евросоюза.

— Вот именно!— поддержала Рая, раздражённым взглядом проводившая своё «Шато».— Добился ваш любимый Путин, хапнул Крым, теперь народ чемоданами продукты из-за границы тащит.

— Крым он забрал правильно, там наш флот,— решительно ответил Сусликов.— А с продуктами

вопрос сложный. После отечественного пармезана меня скорая недавно едва не увезла.

— Давайте сегодня не про Пугина, — предложил Николай. — И не про пармезан.

— Коля, а о чём тогда разговаривать — о скрепах? — пока они жарили рёбрышки, Рая явно времени не теряла, и язык у неё развязался.

— Раечка, ты же умная женщина, практически диссертацию защитила. Как твои успехи в оксиганском?

— Я ей десять командировок оплатил для сбора научной информации, — гордо напомнил Савва. — За Райкой едва французские спецслужбы не увязались. Тема-то для них скользкая.

— Не десять, а шесть, — уточнила Рая. — Что правда, то правда: французы все местные языки запрещали по полной программе, — переключилась она охотно на увлечение последних лет. — Представь, Коль, местные жители даже боялись давать интервью. («Она бы на своём любимом „Эхе Москвы“ об этом рассказала!») Но до диссертации ещё очень далеко. Сам понимаешь, память не та, что в двадцать пять лет! К тому же Савву надо кормить, рабочих контролировать, а ещё дети. Агнию пора к институту готовить, по репетиторам возить. Старшая тоже пока внимания требует.

— Ну, «мерина» у ей своего старого отдал, теперь она посамостоятельнее, — снова похвалился Сусликов. — Тоже на конференцию студенческую поедет, в Лондон.

— Если визу дадут! — уточнила жена. — В этой стране вечно то понос, то золотуха. Из-за Скрипалей вконец останемся без нормального образования. Как же это достало!

— Опять ты за своё! — Кольчик спешно жевал третий кусок осетрины («Он хоть разницу с минтаем-то замечает?» — с досадой думал Савва). — Рай, вот ты говоришь, в той же Франции запретили целый язык — и ничего, прокатило. Никто не кричит, что демократию зажимают.

— Да я не утверждаю, что во Франции — Эдем, Коля! Просто обидно, когда всю жизнь трудишься, а в любой момент у тебя могут всё отобрать, да ещё на каждом шагу попрекают.

Сусликов сочувственно посмотрел на жену.

«Всё же повезло мне с ней. Другая бы просто сосала бабло. А Райка такие советы даёт — никакой бизнес-консультант рядом не стоял. А началось как! Чуть не по чердакам от своего бывшего на свидания сбегала. И с шефом она меня свела — он у её матери квартиру на Арбате арендовал, а в итоге нашёл себе такого добытчика. Сколько я принёс в компанию? Но ведь и сам без мозгов этого по-своему гениального человека не развернулся бы так. И всё благодаря Райку!»

— Дай чмокну! — резюмировал он размышления. — Совсем лыка не вяжешь? Куда ты зажал моё «Шато»?

Сверху неслышно появилась в модной домашней пижаме с голубками грустная Агния.

«Повзрослела, похорощела, а глаза квёлые. В Се-ти зависала? Начинается такой же кризис, как у Ньюры? Только у моей — старый мамин айфон с раздолбанным экраном и мужской свитер, а у неё десятая модель и рейтинговая гимназия. Агния родителей, правда, пока слушается, а моя всё — в штыки. Хотя фотки делает и с тэгом „искусство“ выкладывает на какие-то ресурсы, о которых я сам без понятия. Значит, волей-неволей что-то перенимает».

А вот дочь друга, как нередко бывает, к его суждениям относилась с меньшим предубеждением, чем к отцовским.

— Дочур, иди, жамкну! — изрекал дежурные ласковости Сусликов.

— Фу, у вас тут мертвечина! Пап, мне можно в следующую субботу в клуб пойти с девочками? Все Хэллоуин будут отмечать!

— Тебе не рано ещё? — засомневалась Рая.

— А мальчики ваши будут? Тебе сын Горохова вроде нравился? С ним можно! Это магнат молочный, не слышал? — подмигнул Коле Сусликов. — В смысле, его отец. Мы нищebroды по сравнению с ним! — Пап, задолбали твои наёмки! Мальчишки пойдут, и туда можно тинейджерам.

— Что значит — можно? — настаивала Рая. — Нашим клубам я особенно — доверяю. Во Франции я бы меньше волновалась.

— Раз пацаны идут, пусть и она! Давай только жамкну. И испанский сделай, не тяни до воскресенья. Проверю.

— Пап, ты же его не знаешь.

— Как это? Я его понимаю! «Yo comprendido?» — так?

— Ага, — похлопала его по плечу Агния. — Почти. Дядь Коль, а тебя можно на минуту?

Поднялись в её комнату на второй этаж.

«Какая разница с комнатой Ньюры. Да и вкусы явно родительские. Огромная, королевская кровать, а мы с Ларой пятнадцать лет ютимся на диван-кровати. Бюро с инкрустациями — в пору взрослой даме, гравюры с Венецией по стенам. Впрочем, живёт она не здесь, а в своём гаджете». — Дядь Коль, это Анины фоточки? — она стремительно листала пёстрые картинки на экране смартфона. — Огонь, правда?

— В смысле?

— Ну — классные!

«А я думал, они не общаются. Значит, по крайней мере, там друг за другом наблюдают».

— Может, я сам их толком не видел! — признался Николай, вглядываясь в полуразмытые пятна на белёсом фоне, к тому же лихорадочно сменяющиеся одно другим. Но Агнии бешеная скорость просмотра, похоже, не мешала наслаждаться искусством. «А про мои работы даже не спрашивает. Тут у неё с родителями полное единство...»

— Ты не знаешь, она своим телефоном фоткает? У меня камера хорошая, но я бы хотела попробовать по-настоящему. Сможешь посоветовать модель? Лучше Canon или Olympus?

«И всё же она намного живее родителей. И даже Анфису ещё не испортили своими убогими установками. Хотя всеми силами стараются вылепить таких же потребителей, как сами. Англии, Швейцарии, едальни, бренды. А душа всё равно тянется к прекрасному».

— Агнюша, а ты помнишь, как мы тебя маленькую брали за грибами?

— Помню. Там ещё комары нас укусили, кажется.

— Мы в джипе поехали через лес от вашего старого дома, нас на кочках трясло, а ты говорила: «Осторожнее, у меня заусенец на пальце!»

Николая захватил прилив воспоминаний. Ещё недавно их такая пропасть не разделяла. Могли посмеяться, выпить вместе водки, в сотый раз обсудить какой-нибудь прикол, случившийся классе в девятом. В какую бездну всё рухнуло?

— Так ты думаешь, Canon уже устарел? Дядь Коль, а помнишь, ты тоже не ел мяса? Ты почему перестал быть вегетарианцем?

— Силы воли не хватило, наверно.

— А видел старый мультик, где вся семья — веганы и собака — тоже веган?

— Ну вы чего там застряли?! — гремел внизу весёлый пьяный бас папаши Сусликова. — Покажи Кольчику свой кубок за теннис! Расскажи, как мы в Уимблдон ездили!

— Пап, отстань! Дай поговорить!

— Хорошо! Yo comprendido!

Агния, доверительно посмотрев на Кольчика, покрутила пальцем у виска.

После затянувшегося обеда Николай предложил прогуляться до водохранилища, предчувствуя, что в противном случае придётся часа два под грохот из убойной стереосистемы вкушать боевик на плазме с невиданным разрешением («Прыщи, что ли, на рожах у трансформеров различать?»).

Прошли мимо строящихся и уже разваливающихся, так и не заселённых особняков. Когда-то посёлок спроектировал в едином стиле модный архитектор, но после краха проекта каждый, кому посчастливилось сюда вложиться, обустроивал пустую коробку как мог. Где-то высилась пластиковая мансарда, где-то — клубились витки колючей проволоки.

— А Салават для охраны участка страусов завёл, они ударом ноги живот разрывают, — после возлияний Сусликов ступал по дорожке не вполне уверенно, — но осенью в тёплый вольер загоняет.

У одной из коробок, без окон и дверей, обшитой лишь местами изорванным полиэтиленом, бродили куры.

— А это Митрича участок. Он таджиков нанял для охраны, а те птиц развели.

«Настоящий „Юрасик парк“, динозавров только не хватает!» — бурчал про себя Кольчик.

Но синева так чудно выглядывала из-за обнажённой рощи, пьянил сильнее вина холодный воздух. Они вышли за ограду посёлка через незапертую калитку.

— В августе я здесь белые нашёл! — показал на край оборудованной здесь детской площадки Савва. — Но теперь мы их прямо на участке посадили.

— Как это?

— Купили пакеты с грибницей и рассыпали под кустами. В следующем году супом угостим!

— А ты помнишь, Савва, как мы ездили на Селигер в восемьдесят девятом и нам мужики по доброте душевной парус на лодку поставили?

— Конечно. Мы их ещё сначала чуть не послали. Не поняли, что они от нас хотят. А потом галсами ходили — аж дух захватывало.

— А как грибов набрали? Половину уже сварили и съели, половину у палатки сложили, лежим внутри, а мальчишки какие-то пришли и переговариваются: «Это съедобный... Это ложный... Это ядовитый. Это тоже ложный!»

— Блин, меня кондрашка чуть не хватила!

— Савва, а зачем мы всё-таки выход к воде соседям перекрыли?

— Ты видел этих соседей? В деревне справа одна алкашня, слева дорога близко. А за чей счёт после них мусор убирать?

— Всё у вас по принципу: хапнул и рад. А ещё большевиков обвиняете, — прорвало Колю.

— Я помню, как я при твоих большевиках жил! В церковь тайно ходил, чтобы в школе не прознали. Отец четырёх рэ зарабатывал своими руками, а всё равно нам с братьями на жратву не хватало, вечно из-за кастрюли макарон потасовки.

— Ты говорил, что у вас мама не умела деньги считать.

— Не умела. Рая тоже не всегда умеет. Например, с сумками от Prada у неё перебор. Но на макароны с пармезаном хватает.

— Издеваешься? Вам — с пармезаном, а полстраны — голодает?

— Ты думаешь, в СССР меньше голодали? Твои Ленин со Сталиным — настоящие людоеды.

— Ладно, хорош. Мы никогда не договоримся. Пошли кино смотреть, только давай не боевик.

— Друган, у меня напрямую из Интернета две тысячи фильмов открываются. Хочешь, лауреатов Канн поищем?

Кольчик всю ночь ворочался в гостевой, до конца не обставленной, к тому же с опущенными жалюзи, не пропускающими свет с улицы.

«Кого они боятся? Таджиков с курами?»

Попробовал листать толстенное подарочное издание классического романа. Наверное, подарок на корпоратив. Полная тишина, особенно жутковатая после грохота фильма (вместо каннского артхауса пялились на очередное фэнтези). Слишком высокий потолок — в Версале, кажется, ниже. Собственно, надо бы попросить о чём хотел и возвращаться в Москву. Но не хватило духа. Протянул до воскресенья.

Проснулся поздно и сидел при свете галлюциногенных ламп в холле, не зная, как управиться с пультом для подъёма жалюзи.

Рая, благо, встала раньше Саввушки. Явились дежурные каша и омлет. Икру без санкции хозяина не предложили, хотя холодильник с двухметровой ширины дверцами холодил от жратвы («Учитывая, что Агния ест аки птаха, а Анфиса появляется редко, как они успевают освоить хоть треть? В компостерную яму зарывают? А кофе растворимый, кофемашину никак не выберут»). Впрочем, Рая выдала ему турку, и он сварил себе по старинке, найдя в кладовке просроченную пачку молотого Lavazza.

Появилась Агния, потребовав пророщенной веганской снеди, до которой едва дотронулась. Савва почивал долго, раздавался сверху раскатыстый храп. Лишь к полудню барин соизволил явиться к столу и принялся нарезать ломти розовой пахучей ветчины, разом спугнув дочь.

«Мне кажется, я его уже раздражаю. Пора переходить к делу. А то так и уеду несолоно хлебавши. Хотя с утра тоже неудобно... Проклятая стеснительность. Никогда ничего не добьюсь из-за неё».

— Храп у тебя царский!

— Ты о чём? Ты меня тыщу лет знаешь. Я не храплю вообще! Рай, я храплю?

— Конечно.

— Агния!!! Я разве храплю?

— Папа, храпишь!!! — раздалось сверху.

— Не, ну вы даёте...

Пока друг приканчивал ветчину, а потом кликал на плазме очередное кинцо, Кольчик всё более впадал в ступор. Заготовленная с пятницы речь комком сбивалась в горле, прилипала к нёбу. Очки 3D для просмотра роликов с подводным миром тоже не соблазнили. Между тем Сусликов ударился в философские разглагольствования.

— Ты думаешь, я так уж счастлив? — доверительно зашептал он на ухо приятелю, когда они развалились на глубоком диване, а Рая зависла в кухонном углу холла перед экраном поменьше с любимым РБК. — Не при Райке будь сказано, но я бы с удовольствием всё бросил и какой-нибудь живописью занялся. Вот ты живёшь ради удовольствия!

— А тебе что мешает?

— На мне долг висит.

— Разве ты берёшь кредиты?

— Ещё какие! Только не на личные дела, а на стройки. Вот опять шеф, жучара, подбил. Сначала думал, что всех перехитрю. Часть договоров оформил на Раису. А теперь продажи глохнут, чиновники руки выкручивают, чтобы я ещё школу в районе задарма построил, а эти гниды-банкиры требуют проценты. И всем, кто подписался, уголовкой грозят.

— Я не понимаю: вы один посёлок бросили, другой начали, как вам вообще разрешают что-то строить? Сами живёте на руинах.

— Тихо ты! — шикал Савва. — А что мне оставалось делать? Я участок взял как часть доли в прибыли. Но кому его продашь? Но это разные истории — поручители, заёмщики.

— Схемами этих ваших историй весь Интернет забит. Скажи: жульничаете.

— Твою ж мать, Кольчик. Кого мы обманули? Инвестиция — это риск!

— Вот ты и рискнул.

— В том и дело. У меня вообще ничего нет. Ну, кое-что перевёл за границу. А тут тюрюга светит! А как же дочки? Анфиске подарил часики «Картье» на днюху, так, считай, почти лимон.

— Тоже доллары?

— Рублей, конечно, но всё равно не три копейки! Потом, зубы делаю, два импланта поставил — опять лимон. Конечно, можно дешевле, но здоровье не чужое!

— Я запутался, — Коля обнял уютную пухлую подушку и тоже перешёл на шёпот. — Ты же говоришь: денег нет!

— Зарплаты нет, дивидендов. Но накопления-то остались кой-какие с лучших времён. Что их, в землю зарывать?

— Ты можешь помогать тем, кому требуется поддержка, — робко начал Николай.

— Помогаю. В детдом перечисляю понемножку. Ещё церквушке местной на реставрацию. Пару раз по десятке настоятелю оставлял. Ладно, забудь! Сегодня я тебе тунца на мангале организую. Пить предлагаю белое. Рая! Какое мы хотим белое?

Вернуться к теме добрых дел не удавалось до вечера, когда оказались изжарены и наполовину съедены ещё куча мяса и рыбный стейк. Но Кольчику еда почти не шла, несмотря на ядерное «Просёкко». Сам Савва хоть и решился к десерту разлить по бокалу коллекционного хереса, тоже нервничал всё заметнее. Просачивался в подкорку предстоящий понедельник. Телефон промолчал все выходные, но это настораживало ещё сильнее, предвещало беду.

От разговора о матпомощи он пока уклонялся, но, как назло, желая выставить напоказ неудачи, срывался на перечисление трат.

— Эти спа, бассейны на крышах, частные пляжи я бы не променял на нашу экспедицию на Селигер. Или паломничество. Пускай гостиницы в провинции пока не очень...

— Ещё дороги давай обсудим,— взвилась Раиса.
— Но у меня мечта к святому Иакову сходить по пути паломников от Парижа до этой, как его, Сантьяги-Компостелы. Испанский малость подучу— и можно вместе. Коль, билеты готов оплатить! А дальше всё практически бесплатно, если обзавёлся бумагой. Марк-юрист три раза ходил. Хочешь, позвоним ему, расскажет.

— Пойду покурить на террасу!— проронил бледный Кольчик.

— Я с тобой.

— Ты же только в среду бросил!— удивилась жена.
— Обычно тебя на месяц хватало.

На террасе угостил Кольчика припасённым «Данхиллом» («Куда меня понесло за ним? Попался...»).

— Помнишь, Колян, как чай на батарее сушили и скуривали, когда купить стало негде?

— Лучше не вспоминать, мерзость.

— Это в каком же году?

— За год до путча, при Горбаче. Тяжело держаться без никотина?

— Не особо. Когда работаю, не думаю ни о чём. Веришь, посать выйти некогда.

— А я засыпаю и во сне укуриваюсь. Проснёшься— башка раскалывается. Лучше не пытаться. Хотя за здоровье страшно.

— Здоровье приходится беречь. Мы тут сгоняли к одному профессору в Германию, такой крутой дед. Ценник о-го-го, офис впечатляющий, куча помощниц, аппаратура. Но зато потом в России не надо год по врачам мыкаться. Дедок отсканировал меня целиком, посмотрел результаты, говорит: курить можешь, но не увлекайся. Пить тоже не заказано, печень ещё ничего. Даже от сердца отлегло.

— А в нашей поликлинике сидит дебил, сразу на «ты», ни одно направление без заведующей не назначает. Пару раз сходишь на приём— и можно в психушку ложиться.

— Кольчик, ну хрен с ними! Погляди, какое небо звёздное! Как на Селигере. Только Москва немного фонит. Я здесь от города совсем отвыкаю...

— Савва,— перебил друг.— Ты правда считаешь, что я правильно всё делаю?

— С какой стороны посмотреть,— уклончиво ответил Сусликов и жутко закашлялся.

«Неужели астма вернулась? Вот лукавый соблазнил. Лучше бы взял травы у Салавата».

— Так вот, я тебе про выставку говорил— помнишь? Что хорошо бы мои работы собрать и пропиарить. Есть места, где можно выставиться, прессу притащить. Тысяч за сто шикарно всё повернуть. Даже распечатать проспекты. Сто пятьдесят лучше, но и так отлично.

Савва с трудом сдерживал новый позыв кашля. — Что там с иллюминацией нашей? Ведь на прошлой неделе лампочку меняли.

Он сорвался с террасы по выстриженному газону в сторону ограды. Коля засеменил следом.

Хозяин заглянул под козырёк светильника, под которым мигала синяя лампочка.

— Одни халтурщики развелись. Все только норовят содрать и свалить!— он едва не выворотил столбик светильника из земли и нервно зашагал взад-вперёд по выложенной плиткой дорожке.

— Ты извини, если я не вовремя, Савв!

— Дело не во времени. Твоё хобби ты сам должен научиться продвигать. Отправлять работы критикам, вступить в союз какой-нибудь. Я же не могу всем раздавать деньги.

— Разве я— все?

«Как грубо выходит. Зачем так меня подставлять? Ведь заранее знает, что денег, тем более таких, не дам. Или правда подарить ему эти сто штук? Я же отложил пятьсот наличкой, Семёнычу можно попозже выдать. Хотя в „Австрийской деревне“ охрана за лето зарплату не видела. Разбегутся ещё!»

— Слушай, Кольчик. Тебе кажется, что эта сумма для меня— ерунда...

— Прости... ты сам про зубы рассказывал. И я краем глаза видел чек из «Азбуки...».

«Чек он видел!— разозлился Сусликов.— А когда икру жрал, не видел?»

— Понимаешь, тут целая бухгалтерия. На ежедневные расходы у меня отложено. Но, с другой стороны, я в том посёлке, под стройку которого как раз кредит брал, дворникам должен двести тысяч. Хорошие таджики, а я не плачú. На самом деле даже не я— мой персонал не платит. Но этому персоналу я тоже...

Понял, что объяснения выходят путаные.
— Или ещё. Марк, юрист, сосед мой, оказывал услуги нашей компании. И мы ему тоже сто пятьдесят остались должны. Встречаемся в посёлке, общаемся. А долг висит.

— Так отдай!

— Легко сказать— «отдай»! Но должен не лично я, неправильно платить из своего кармана за всё, что делается для бизнеса. Есть другие акционеры. Есть шеф, который за кордоном сидит и только цу высылают.

Но Кольчик словно не слышал.

— А как бы мне помогла выставка! Вдруг кто-то купит работу? Лара бы зауважала.

— Коля, родной, я знаю Лару. Она начнёт тебя уважать, если ты дома хоть один гвоздь забьёшь. Знаешь, сколько я здесь своими руками сделал? А когда мы с Райкой только жить начинали, она от мужа ушла, а я от своей семейки сбежал? В такой же хрущёбе снимали. Ничего, пару пальцев молотком расквасил и все полки повесил.

«Неужели опять— наставления вместо поддержки? А про полку— словно назло...»

Николай ясно представил гадкую сцену из их жизни с Ларой. Несколько лет назад он ещё

таскался в паршивый салон сотовой связи. А она, устав его просить, позвала мастера, который прибил на их крохотной кухне нелепую полку в самом неудачном месте, где Коля всегда пил утром кофе. К тому же заплатила, по мнению мужа, слишком много. Он вернулся с работы, заспорил. Потом взбесился и вместе с гвоздями вырвал доску, только что прилаженную к стене. Лара сначала просила робко: «Не делай этого, пожалуйста!» А когда несостоявшаяся полка улетела в коридор, процарапав гвоздём линолеум, молча встала у окна, глотая слёзы.

«Да, я — полное ничтожество. Зачем припёрся сюда, унижался? И про фотографии Суслик прав. Раз они никому не нужны сейчас, кому понадобится на выставке? Если кто и придёт, то покачать винище на фуршетке...»

Он стоял, понунив голову. Звёзды заволокло невидимой тучей. Рая уже дважды барабанила им в дверь из холла, показывала недопитую бутылку.

«Интересно, считаются они алкоголиками? Как ни приеду, вечно наклюкаемся до потери пульса, и так у них каждые выходные. Только в пост вроде держатся. Но тоже какое-то лицемерие... Сейчас все олигархи со свечками засветиться норовят».

— Кольчик, я тебе как на духу выложил, — твердил Савва. — Нам, может, скоро за бугор валить придётся. А я не хочу! Здесь мои деды землю пахали! («Раньше говорил — заводчиками были. Сколько у него предков?») Хорошо хоть вид на жительство получили. И я банально боюсь: вдруг мне тех штук не хватит, чтобы всё организовать?

— Короче, я допиваю всё без вас! — радостно провозгласила Раиса, распахнув дверь.

Её полный голый локоть причудливо освещали инфернальные лампы холла.

— Я этот херес до твоего дня рождения хотел скомомить! — ответил Савва и развернулся к другу: — Кольчик! Только не считай меня сукиным сыном!

Хозяева ушли спать, вновь наглухо закрыв жалюзи. («Теперь ясно, что опасаться им есть чего. Поди, ждут тех дворников с граблями».) Он долго сидел перед чёрным прямоугольником потухшей плазмы — квадратом Малевича, поглощающим всё живое. Механически разворачивал фантики и грыз шоколадные конфеты, сложенные горой в хрустальной плошке. Потом нашёл в кладовке бутылку дешёвого начатого коньяка, залпом, как в юности, опрокинул стакан и в гостевой уткнулся лицом в пододеяльник с мимишными сердечками.

Сусликов ждал водителя, к половине десятого благоухая парфюмом и допивая растворимый кофе. Правда, успел забрызгать сливками двухсотдолларовый галстук, за отсутствие которого шеф ухитрился штрафовать менеджеров даже из изгнания.

— Могу подбросить до ближайшего метро или, хочешь, дальше, — бросил Савва сухо.

После вчерашнего разговора тоже ощущал досаду. Ответил на просьбу не так, как надо. Получилось — оправдывается, а разве обязан? Рая догадалась, о чём шла речь, но тактично молчала. А он на ней же сорвал раздражение:

— Где мой айпэд?

— Ты его наверху оставил заряжаться.

— Я тебя просил принести. Что за фигня каждый раз?! Ты знаешь, сколько мне сейчас звонков посыплется.

— Может, не стоит заводиться? — спросила она настолько сурово, что Николаю до боли захотелось немедленно позвонить Ларе, попросить прощения за все грубости, признаться: другой такой терпеливой жены ни он сам, ни какой-либо другой мужик не найдёт никогда!

Впрочем, располневшая, как и супруг, Рая хоть и с отдышкой, но сбегала на второй этаж.

— Давай контролировать, сколько вечером пьёшь, если утром не помнишь, где что оставил.

Пробку объехали по платной трассе, не разговаривая. Вернулись на обычное шоссе; рослый водитель, облачённый в костюм, выглядевший роскошнее, чем Саввушкин, презирая правила, обходил препятствия.

— Виртуоз. Умеет между камер проскакивать, — поделился Савва. — А жена у него — директор страховой компании!

— Чмоки, — бесстрастно бросил он при расставании. — К Новому году выбирайся. И с Ларкой помирись. Похоже, правда перебрали вчера, в бочине ноет. Может, соврал немец?

Необходимая наличность, разделённая на пачки, лежала в чёрном портфеле из натуральной кожи. Сусликов внезапно запустил в портфель руку, вытащил одну из пачек и сунул во внутренний карман пиджака. Хлопнув себя по груди, он шумно выдохнул. В боку кололо всё сильнее.

— Юр, в каком ухе у меня звенит?

— В правом, — бесстрастно ответил водитель.

«Отдать, что ли, ему эти сто штук? Или предложить — с возвратом? Зато без процентов. Месяцев на пять. Пусть продаёт свои шедевры и расплачивается потихоньку. Да, но мы когда-то обсуждали, он так не хочет — типа честный. Ладно, не так уж Кольчик бедствует. А я ещё за гимназию Агньюшке просрочил, как раз сотку. Охренели стричь купоны с родителей. Всюду одна нажива!»

До офиса оставалась пара кварталов, и тут они встали намертво на светофоре.

Кольчик мог проехать и дальше, но решил побыстрее расстаться. Он сразу сник под сенью небо-скрёбов, выросших у входа в метро с того времени,

как он здесь бывал последний раз. Небольшой храм почти затерялся на их фоне.

Закурил, озираясь, словно в поисках убежища. Церковь чем-то притягивала.

«Смолю прямо у входа. Может, зайти?»

Но тут из-за дверей появился хипстерского вида юнец с типичным сочетанием бородки и голых щиколоток, бодренько перекрестился, ловко вскочил на самоедающее чудо-колесо и быстро скрылся в толпе.

«Такой же дурдом, как и всюду. Собственно, и я в Бога никогда не верил. Нам, пролетариям, Г-б-пода такие баре, как Саввушка, придумали, чтобы мы на них спину гнули. А офисный планктон из моды сюда заплываает, хотя сейчас она вроде на убыль пошла. Стоило сфотографировать этого перца с электронной ступой. А я только болтаю о фотографии, а аппарат опять поленился взять».

Он медленно спустился в метро. Спешить некуда. Кольчик утаил от друга, что в ателье его отправили в отпуск без содержания.

В вагоне нашлось свободное место, и он успел подремать. Делая пересадку, увидел на экране телефона мигающий конвертик смс-ки. Наверняка спам.

И только поднимаясь на поверхность земли в конце пути, прочитал короткое сообщение Агнии, скорее всего из рассылки: «Капец наш дом горит».

Николай застыл. Путаясь в кнопках маленькой устаревшей модели, набрал: «Когда?»

Ответ пришёл вновь без запятых и сбивающимися пробелами: «Только что могу фотку кинуть мама выслала жуть».

«У меня воцапа нет. Передай родителям...»

«...мои соболезнования»? — нелепый пафос.

«...привет»? — тьфу!

«...что я расстроена»? — одно другого глупее.

«Общаешься тридцать лет и не можешь найти для друга доброе слово в такой момент. Но я не оратор, а фотограф. Хотя они так не считают... Тем хуже! — опять закипела в груди злость. — Какое доброе слово он для меня нашёл? Просто послал».

«...передай, что я вам сочувствую», — наконец нашёлся Кольчик.

Быстро пришло обратное: «Ок».

«Да что ж такое?! — с глухим раздражением думал Сусликов, понимая, что торчит перед светофором уже минут двадцать. — Неужели опять для членозов перекрыли? Здесь-то с какого бодуна?»

Запульсировал зелёный кружок на экране телефона: «Рая-жена».

Задохнувшийся голос Райки разом заставил подскочить давление:

— Мы сгорели, Савв.

— Как это?

Она так чеканила слова, что он предпочёл бы истерику.

Но понял быстро, скорее поверх слов, как будто сразу всё увидел. Раи в начале пожара тоже не оказалось на месте, повезла Агнию на своей машине в гимназию. Та сказала перед выходными приболевшей, но в итоге выдвинулись, хотя не к первому уроку. На мкаде тоже застряли. Решили вернуться в посёлок, и оттуда как раз позвонили.

Похоже, мастера, чинившие систему подогрева, напортачили с проводкой. Искры полетели на сложенные в подвале книги из библиотеки, давно перевезённой с Арбата, но так и не нашедшей места. Рая-Раиса, раздала бы эту макулатуру бедным подругам, которые не завели привычки читать ридеры!

Пламя разгоралось медленно. Останься дома хоть кто-нибудь, катастрофы бы избежали. Сработала сигнализация. Тупой охранник на въезде, которого он недавно оштрафовал за то, что пустил гостей без пропусков, долго препирался с пожарными и полицейским патрулём, не поднимая шлагбаум. Входы пришлось взламывать. Вода тоже вроде рядом, а дотянуть рукав вышла целая проблема. В итоге попали внутрь только через мансарду. Дорогая отделка, мебель, техника — пропало всё; что не сокрушил огонь, то залили. Полопались бутылки старых вин, заготовленные к свадьбам дочерей и юбилеям. Плазма расплавилась, люстры, закипев, залили мебель. Если не сгорело, то намертво пропахло гарью шмотё, вывезенное из европейских аутлетов (как радовались всякий раз, когда брэнд доставался на тридцать процентов дешевле). Но главное — следуя нелепой, оставшейся с девяностых привычке, он не всю наличку оставил в сейфе, кое-что разложил по ящикам пузатых комодов в стиле какого там по счёту Людовика.

Или нет, главное — внезапность катастрофы. Юношеский опыт боксёра учил предупреждать удар, угадывая, в каком направлении нанесёт его противник. Но жизнь — слишком непредсказуемый боец. Ждал иска от банков, мести потерявших вложения клиентов, даже дворников опасался, а врезали ниже пояса.

Так долго тянулась стройка, а потом — отделка, подбор мебели: Рая сутками нанимала и выгоняла бригады гагаузов, украинцев, русских, доставала их начальство угрозой исков, сама сверяла сметы, проводила выходные в торговых центрах, материлась...

И кто-то после всего этого считал их богачами, даже олигархами! Пара трудяг, один — приносит трофеи с охоты, другая — обустроивает очаг. Люди, которые поднимают детей, не ждут от государства ничего, даже грошовой пенсии.

Конечно, на них косятся люмпены, вроде тех, кто громил в Зимний в семнадцатом. Но такие, как Кольчик! Или даже собственные менеджеры, получающие солидные бонусы — пусть с опозданием, пусть не всегда те, на которые рассчитывали!

Ведь и они тайно или почти открыто считают его мироедом, эксплуататором.

Мысли откачивались течь так, как он приучал их день за днём, аккуратно, одна за другой.

Тили-бом! Тили-бом!
Загорелся кошкин дом!—

звенели в голове знакомые с детства строки.

Когда добрался до посёлка, Рая уже отправила младшую под присмотром бабушки к сестре, в таунхаус, который они ей оставили, подыскивая квартирку в столице, чтобы меньше моталась, добираясь до учёбы. По-военному собранная, жена командовала сбежавшимися в надежде получить свою копеечку гастарбайтерами. Впрочем, некоторые помогали бескорыстно.

Появился и Салават. Скривился, глядя на чёрные провалы окон и развороченную террасу.

— Зайдите ко мне потом, покормим.

— Спасибо, сосед!

— Дом-то застраховали?

— Какое там... А жена водителя моего предлагала.

Сусликов нашёл выброшенный на лужайку стул—с расколовшейся спинкой, весь в копоти. Хотел подложить что-нибудь, но вокруг—только обломки и тряпки. Сел так—пропадай и последние брюки! Рая подала уцелевший плед.

— А ещё смотри, ваша семейная, кажется?—она протянула ему небольшую икону, закопчённую, но не нынешним огнём, а за долгие годы жизни.

Родовая реликвия, от прадеда. Когда-то отец начинал перед ней день, предварительно вырубая радио, откуда лились бодрые звуки программы «Отзовитесь, горнисты». Но психованная мать, ссорясь с мужем, однажды грохнула икону об пол. Из-за чего ругались родители, он не помнил. Недавно родился младший брат—пятый по счёту. Почти сразу после этого и разошлись. Мать кричала: «Лучше бы навсегда одна осталась. Свели нас тогда в церкви, о любви не спрашивали. А зачем?» Отец, грузный, со священнической бородой (сана никогда он не принимал, просто молился в храме и дома), молча поднял образ, бережно смахнул ладонью невидимую, не успевшую пристать пыль. А вечером тихо сказал: «Савва, если такое повторится, я могу над ней какое-нибудь зло сотворить. Лучше заberi, спрячь. Может, к друзьям отнеси. А потом возьми себе. Пусть защищает твою семью, когда заведёшь».

Они редко виделись с отцом, отношения их нормальными назвать было сложно. Да и икону давно хранил в дальней комнате, почти к ней не обращался. Читал молитвы, лишь изредка добираясь до литургии.

Савва сжал в руках тёмную доску с тонко прописанным, но размытым временем ликом Спасителя, едва различая его. Ощутил, как из глаз покатались крупные неприятные слёзы.

«Что за дерьмо! Совсем распустился. Раюша лучше держится».

Пытаясь найти носовой платок, нащупал во внутреннем кармане пиджака пачку пятитысячных, которую собирался отдать Кольчику.

«А ведь не так всё критично. Мы живы, второй дом есть, ещё тройка квартир, доставшихся как бонусы от старых продаж. За кордоном тоже отложены деньжата. Что, если всё же уступить Кольчику? Или пожертвовать на храм, заказать молебен?» — Это куда нести?—щуплый таджик тащил из дома уцелевший торшер, который когда-то высылали им из антикварной лавки возле флорентийского Дуоמו.—Где поставить, брат?

— Да вот хоть здесь! Рай,—он покосился на таджика,—тут у меня сто тысяч. Кольчик просил на выставку.

— На какую выставку?—она почти задохнулась.

— Его фотографий. Ему, короче, на раскрутку. Думаешь, дать?

Она приложила холодную тыльную сторону ладони к его щеке.

— Ты бредишь, похоже. Но, прости, мне здесь одной не справиться, если, конечно, хочешь, чтобы отсюда не всё скопом вывезли на свалку.

Он ощутил страх перед спутницей жизни, какой испытывал нередко в минуты споров, почти всегда отступая.

— Нет, не надо на свалку!

— Давай тогда деньги, понадобятся. У меня кредитки накрылись, придётся перевыпускать. Знаешь, я бы тоже заплакала с удовольствием. Только некогда. Но ты лучше сходи к Салавату, посиди полчаса, отойди. И давление померь!

Отложив в сторону икону, Сусликов протянул жене пачку купюр. Зажмурившись, стал мучительно прикидывать, как успеть завтра сделать все брошенные дела. Приоткрыв глаза, поймал удаляющегося таджика с пузатой бутылкой в руках.

— Стой! Куда ты с моим коньяком собрался?

— Хозяйка сказала—её машина багажник класть!

— Это ж мой «Отар»! Ему ещё юбилея дожидаться.

Так что это, как его, поаккуратней!

«Кажется, моё ателье всё же закроется. Парамонов хотел съёмку на свадьбу дочери заказать, придётся согласиться. Хотя много он не заплатит. Телефонными торговать больше не пойду. Лучше бродить по городу, делать снимки и отсылать в стоки. Не пропаду. Мне тачка и часы для престижа не нужны. Пусть называют неудачником! Если бы не два тёзки Суслика—Морозов и Мамонтов, в неудачники зачислили бы Шалапина, Врубеля, Серова, Станиславского, может, даже Чехова. Им больше повезло с современниками-богачами. Но тут ничего не попишешь».

Он ощутил, как сильно замёрз, и зашёл в кондитерскую, приютившуюся между цветочным

ларьком и ломбардом. На последние двести рублей взял американо в бумажном стакане. Высыпал содержимое трёх пакетиков с сахаром и с наслаждением выпил.

На улице кайф от кофе усилила сигарета.

«Может, всё же позвонить Суслику? В конце концов, он ничего мне не должен. И всё же несколько раз нас с Ларкой здорово выручал. А куртка, которую подарил мне на день рождения,—я до дыр её заносил! Сколько раз спали в одной палатке, а в восемьдесят седьмом, в январе, едва не замёрзли по дурацки в двух шагах от станции».

Николай неуверенно надавил несколько клавиш на телефоне, проверяя баланс.

«Негусто. А набирать и сбрасывать—опять позориться. Что ж холодно так? Только недавно бабье лето было. Какое дурацкое название, с детства его не переваривал. И что за сентименты—то было, сё? Предал кореша, и точка».

Перед лицом Кольчика пронёсся шальной голубь. Машинально отмахнувшись от птицы, он уже решительно, почти с наслаждением, бросил телефон в карман пальто.

Детская дружба затухала раздавленным окурком.